

КУДА И ПОЧЕМУ СТРЕМИТСЯ ОБРАЗОВАННАЯ МОЛОДЕЖЬ ИЗ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

*Е.С. ГВОЗДЕВА, кандидат социологических наук,
Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН*

*Г.П. ГВОЗДЕВА, кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН; Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет*

*В.Ю. БОБРОВА, лаборант, студент, Институт экономи-
ки и организации промышленного производства СО РАН;
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, Новосибирск*

Постановка проблемы

В период взросления каждый молодой человек отвечает себе на ключевые вопросы: «Чему стоит учиться, кем я буду по профессии?», «С кем и какую создам семью?» и «Где буду жить?». От того, какими будут эти решения, зависят эффекты накопления и реализации человеческого потенциала как конкретного индивидуума, так и населения всей страны и отдельных ее регионов. Социально-экономическое развитие на основе знаний требует не только наращивания высокотехнологичных производств, использующих научные открытия, но и роста образованности населения, расширения его цифровых компетенций, а также формирования благоприятной среды для создания бизнеса и обитания людей. Важно к тому же, чтобы российские семьи активнее откликались на меры демографической политики и способствовали росту численности жителей России.

¹ ЭКО. – 2024. – № 5. – С. 141–164. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-141-164.

Работа выполнена в рамках проекта государственного задания 5.2.1.3. (0260–2021–0001) «Актеры, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика», регистрационный номер НИОКТР № 121040100280–1.

Сегодня общемировым трендом является смещение структуры популяции в сторону старших возрастов¹, при которой весьма заметно снижается доля молодежи. Этот процесс затронул и Россию, в которой за последнее десятилетие уменьшилась не только доля, но и количество молодежи в возрасте с 15 до 29 лет (рис. 1). Резкому сокращению этой когорты населения в стране способствовала «шоковая терапия» 1990-х годов.

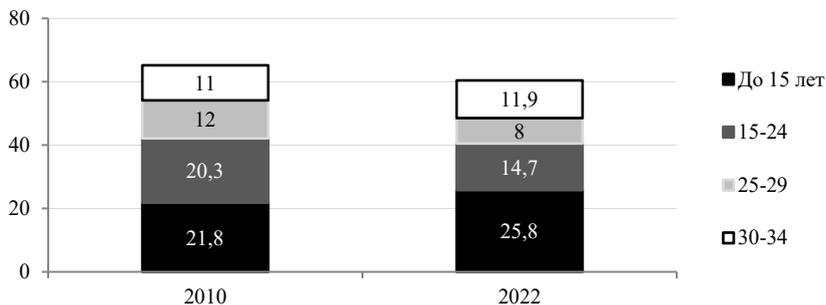

Рис. 1. Численность детей и молодежи РФ по возрастным группам в 2010 г. и 2022 г., млн чел.

Источник: Построено авторами по данным Росстата (Численность постоянного населения – мужчин по возрасту на 1 января. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31548> (дата обращения 18.05.2024); Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения 18.05.2024)).

В Сибири и на Дальнем Востоке эта тенденция проявилась ещё ярче: если в целом по РФ сокращение численности этой группы молодежи составило 31,5%, то в СФО и ДФО – 36,6% и 35,8% соответственно².

¹ World Social Report 2023: Leaving No One Behind in an Ageing World. United Nations, 2023. – URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2023_wsr-fullreport.pdf (дата обращения 07.05.2024).

² Здесь и далее для СФО и ДФО проведен пересчет по итогам смены состава округов в 2018 г.: в 2010 г. СФО – без Бурятии и Забайкальского края, ДФО – с ними. Источник данных: Росстат – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31548>, <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения 07.05.2024).

Важно также обратить внимание на проблему межрегионального социально-экономического неравенства, которое с каждым годом усиливается за счет миграционных перетоков. Согласно результатам всероссийских переписей населения, с 2010 г. по 2022 г., численность населения на обширных территориях Сибири (СФО) и Дальнего Востока (ДФО) сократилась соответственно на 2,6% и 5,1% на фоне увеличения населения РФ на 2,9%. В Центральном федеральном округе общая численность населения выросла на 5,1%, а доля молодежи в возрасте 15–29 лет хотя и сократилась, но в меньшей степени, чем по стране в целом (на 29,9%).

Проблема сохранения человеческого потенциала восточных регионов страны не теряет актуальности. От ее решения напрямую зависят не только перспективы социально-экономического развития этих регионов, но и всей страны, провозгласившей «поворот на Восток» [Поворот..., 2016]. Однако «опасная тенденция миграционных потерь» [Макар и др., 2021. С. 117] до сих пор не преодолена.

Фактически решение молодых людей по поводу своего будущего становится делом региональной или даже общенациональной важности. Как никогда усилилась роль молодежи в процессах трансформации общества и адаптации к изменчивым обстоятельствам. Ведь именно в эпоху цифровизации и формирования экономики, основанной на знаниях, молодежь первой осваивает инновационные технологии и делится опытом со старшими поколениями, при этом принимая на себя ответственность за многие технологические и социально-экономические решения. Она может усилить устойчивость развития той или иной территории, сдерживая разрушительные перемены и одновременно инициируя необходимые нововведения, или же способствовать его торможению, просто сделав свой выбор в пользу более «удобного» места для жизни.

Р. Флорида, опираясь на работы Дж. Джекобс, описывает процессы кластеризации, в ходе которых происходит сосредоточение творчески активных людей в определенных местах с благоприятными условиями жизни и разнообразным производством, в результате чего развитие последних ускоряется и они превращаются в «точки роста», притягивающие все новых мигрантов [Флорида, 2014].

Задача настоящей статьи – разобраться, как выбор молодежью места учебы и работы влияет на человеческий потенциал регионов России и почему она делает такой выбор.

Факторы человеческого развития в международном и российском контексте

Для оценки уровня человеческого развития страны или региона обычно используется трехкомпонентный индекс [Human..., 2022], характеризующий потенциальные возможности развития, т.е. человеческий потенциал (ЧП), зависящий от достижений в долголетию, образованности и благосостоянии населения. Помимо потенциала нередко оценивается также человеческий капитал (ЧК), отражающий реализацию потенциальных возможностей, зависящий от количества и качества используемого на территории труда.

Этот подход опирается на известную концепцию развития человеческого потенциала, связанную с именами таких исследователей, как А. Сен, П. Бурдые, С. Фишер, в России – Т.И. Заславская, В.В. Радаев, Н.Е. Тихонова и др. [Sen, 1997; Заславская, 2003; Тихонова и др., 2023.]. Но одним из первых о человеческом капитале как о ценных качествах, например, приобретенных знаниях и опыте, требующих определенных вложений, в середине XX века начал писать Т. Шульц [Schultz, 1961]. Лауреат Нобелевской премии 1992 г. по экономике Г. Беккер разработал общую теорию инвестиций в человеческий капитал, которая в качестве ресурсов и каналов для его роста рассматривает не только знания и навыки, но и миграцию [Беккер, 2003], обеспечивающую перемещение человеческого потенциала для реализации с большей отдачей. Для оценки полезных эффектов («полных доходов») от вложений в данный капитал Беккер использовал помимо стоимостных критериев показатели затрат времени, поскольку «величина потеранных заработков определяется прежде всего характером использования времени» [Беккер, 2003. С. 197].

При формировании политики развития человеческого потенциала конкретного региона или страны, как правило, учитываются их наиболее чувствительные и актуальные проблемы. Для России это сохранение народонаселения, повышение уровня благосостояния и образования граждан, рост оплаты труда за производительный труд, обеспечение безопасности, охрана окружающей среды и др. Не последнее место среди них занимает миграция, которая обеспечивает перемещение накопленного человеческого потенциала к местам его реализации.

Миграционные процессы во всем мире имеют тенденцию к росту интенсивности. В 2019 г. по сравнению с 1970 г. количество людей, проживающих не в стране, где они родились, выросло в три раза, и масштабы миграции продолжают расти. Как правило, притягивают мигрантов экономические факторы – высокие доходы и развитый рынок труда.

По данным Программы развития ООН (United Nations Development Programme, UNDP), страны, принимающие наибольшее число мигрантов, имеют очень высокий индекс человеческого развития – от 0,821 до 0,950; то есть их отличают не только большие доходы, но и высокий уровень образования и значительная продолжительность жизни местного населения. В теряющих население странах в среднем фиксируются более низкие доходы и уровень образованности граждан, что предопределяет заметно меньший индекс человеческого развития: от 0,644 до 0,821 [Human..., 2024. Р. 274–276]. При этом, как правило, мигрируют в поисках «лучшей доли» либо самые образованные и активные, чувствующие себя в силах конкурировать за рабочие места в чужой стране, либо студенты, поступающие в вузы и колледжи той страны, где они планируют остаться работать. В обоих случаях это приводит к сокращению человеческого потенциала стран-доноров. Страны, заинтересованные в привлечении мигрантов с высоким потенциалом (например, США, Германия), активно стимулируют их к получению образования и расширению профессиональных навыков. Здесь создаются привлекательные условия для частных инвестиций в НИР и инновационные производства, развитие в значительной степени осуществляется на основе экономики знаний.

Россия относится к странам с традиционно высоким уровнем внешней миграции – наряду с США, Германией и Саудовской Аравией [World..., 2022]. Но для нее характерны также довольно большие потоки внутренней миграции. Если предположить, что положительная связь между потоками мигрантов и уровнем развития принимающих стран работает и на субфедеральном уровне, одним из важнейших драйверов опережающего роста человеческого потенциала отдельных регионов России следует признать концентрацию в них молодых образованных людей в результате миграции.

Последствия территориально опосредованной депопуляции широко обсуждаются в работах отечественных экономистов, социологов, географов. В частности, В.Н. Лексин в ходе своего

обстоятельного исследования пришел к выводу, что хозяйственная жизнь страны зависит от наличия достойно оплачиваемых рабочих мест, и они же являются сильнейшим стимулом для перетока рабочей силы [Лексин, 2021. С. 125]. Е.В. Рюмина установила факт влияния географического положения региона на качество его человеческого потенциала [Рюмина, 2021]. Г.Ф. Балакина, анализируя причины снижающегося качества человеческого потенциала Республики Тыва в 1999–2021 гг., подчеркивает роль таких факторов, как низкий уровень оплаты труда и падение реальных доходов населения [Балакина, 2022]. Проблематика развития человеческого потенциала также активно исследуется представителями Новосибирской экономико-социологической школы [Перспективы..., 2014; Гвоздева и др., 2023].

К числу важнейших факторов, влияющих на миграционные потоки населения внутри России, следует отнести различия в уровне жизни и трудовой нагрузке жителей городской и сельской местности. По данным обследования бюджетов времени, проведенного в 2019 г. Росстатом¹, в расчете на одного россиянина в возрасте старше 15 лет средний горожанин работает в сутки на 47 минут меньше, чем сельский житель (соответственно 7 час 38 минут и 8 час 25 минут); при этом объем рабочего времени, за который он получает денежную оплату – на 1,5 часа больше, а время неоплачиваемого труда, включающего домашнюю работу, обслуживание членов семьи² и труд в личном подсобном хозяйстве – на 2 часа 17 минут меньше. На селе сильнее ощущается и гендерный разрыв: наибольшая продолжительность неоплачиваемого труда оказалась у сельских женщин.

На основе изложенного была сформулирована гипотеза настоящего исследования: российские регионы с крупными городскими агломерациями, концентрирующие высокотехнологичные производства, служат центрами притяжения для образованной молодежи, которая обуславливает увеличение человеческого

¹ Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением. 2019. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html (дата обращения 11.05.2024).

² Это может быть связано с более высоким уровнем рождаемости, о чем будет сказано далее.

капитала территории по таким направлениям, как рост образованности, демографическое и инновационное развитие, при этом выигрывая в материальном благосостоянии.

Молодежь решает, где учиться

Основные миграционные установки молодежи связаны с выбором места учебы и работы. По данным Росстата, среди выпускников вузов и учреждений среднего профессионального образования (ссузов) 2016–2020 гг. ради учебы переезжали в другой населенный пункт в границах своего региона 29% респондентов, а в другой субъект Российской Федерации – почти 5%¹. Магистранты и аспиранты меняют регион проживания в образовательных целях гораздо чаще, чем студенты младших курсов.

Исследователи обращают внимание на то, что решения об образовательной миграции обычно являются не индивидуальными, а семейными и часто принимаются еще до окончания школы. К числу основных факторов, стимулирующих образовательную миграцию, относят возможность получить качественное образование в престижном вузе и выстроить успешную жизненную траекторию в благоприятной инфраструктурной среде с широкими возможностями будущего трудоустройства и условий для общения и отдыха. Хотя для части молодежи имеют значение и такие факторы, как обретение самостоятельности, благоприятный климат и др. [Мкртчян, 2017; Логинов, Семионова, 2023].

В 2022–2023 гг. в связи с уменьшением в популяции когорты молодых людей в возрасте 15–24 лет в России сократилось и число обучающихся по программам высшего, среднего профессионального образования и по рабочим специальностям: за 12 лет их стало меньше на 2,8 млн чел. (в 2010/11 учебном году таких насчитывалось 10,1 млн чел., а в 2022/23 г. – 7,3 млн) [Образование..., 2023. С. 40, 42, 44, 46, 62.]. Произошло резкое сокращение численности студентов вузов за эти годы: с 7,0 до 4,8 в 2015/16 и до 4,1 млн чел. в 2022/23 учебном году. Здесь имели место такие причины, как: 1) компенсирующий безработицу рост числа студентов во время

¹ По данным выборочного статистического наблюдения трудоустройства выпускников 2016–2020 гг., получивших среднее профессиональное и высшее образование [Индикаторы..., 2023. С. 76].

и после мирового кризиса 2009 г., обеспеченный увеличением числа негосударственных вузов, часть которых затем закрылись, и число студентов сократилось; 2) рассогласование между системой подготовки квалифицированных кадров и рынком труда, что привело к выбору работы не по специальности, а в некоторых случаях – к предпочтению молодежи среднего профессионального образования (СПО) [Барков, Зубков, 2022; Гвоздева и др., 2023]. Среди выпускников 11-х классов наблюдается тенденция выбора СПО вместо вуза, что связывается, с одной стороны, с отсутствием доступа к высшему образованию ввиду социально-экономического положения семьи, а с другой – с изменением представлений о среднем образовании в целом, так как оно позволяет за более короткие сроки овладеть востребованными на рынке навыками (например, в области новых «цифровых» профессий) [Мальцева и др., 2022].

На Дальнем Востоке эти тенденции проявляются особенно ярко – число студентов вузов в 2022/23 учебном году сократилось в 2,2 раза относительно 2010/11 г. (рис. 2). Очевидно, что помимо указанных причин на это повлиял и миграционный отток.

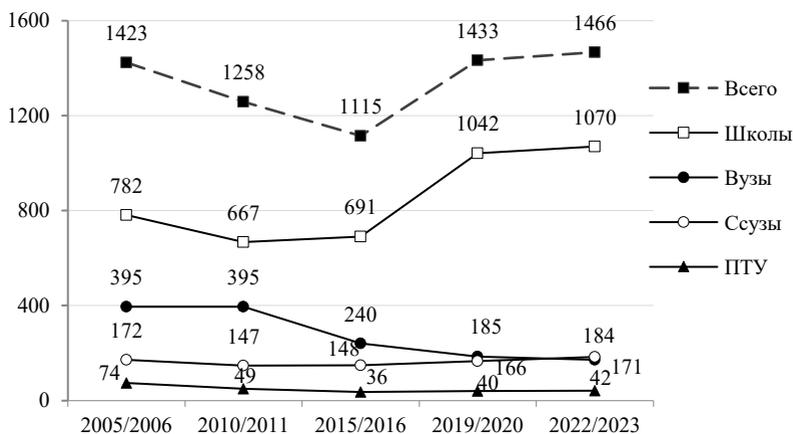

Рис. 2. Изменение численности учащихся на разных уровнях системы образования в период с 2005/06 по 2022/23 гг. в ДФО, тыс. чел.

Источник: Построено авторами на основе данных государственной статистики [Регионы..., 2023].

Отметим, что общая численность обучающихся в стране за последние 12 лет немного (на 7%) увеличилась – из-за роста числа школьников [Образование..., 2023]. Причем на Дальнем Востоке общий рост числа учащихся (16%) оказался даже выше, чем по стране в целом. Однако учебно-образовательная система к такому росту оказалась не вполне готова. Так, в ДФО за годы демографического провала и реформ оптимизации количество школьных учителей сократилось почти вдвое – со 112,7 тыс. в 2005 г. до 69,5 тыс. в 2022 г., то есть в начале периода на 10 учителей приходилось 69 учеников, а в конце – уже 154 ученика [Регионы..., 2023. С. 308–309]. Возросшая нагрузка вряд ли обеспечивает рост качества знаний. Можно предположить, что в условиях переполненных классов и недостатка педагогического внимания сократились и возможности учеников разобраться, чего ждет от них общество, с какими вызовами они столкнутся в будущем.

Тем не менее, в 2022/23 учебном году в регионах Сибири численность студентов высших и среднеспециальных учебных заведений (вузов и ссузов) в расчете на 10000 населения была заметно выше среднероссийского уровня (513 и 486 чел. соответственно) [Регионы..., 2023. С. 326–327, 344–347]. Сибирский федеральный округ вошел в тройку лидеров по числу первокурсников и выпускников вузов наряду с Центральным и Приволжским округами¹. А на Дальнем Востоке отличался повышенным числом студентов только Хабаровский край (542 чел.). Это связано с наличием крупных научно-образовательных центров (Иркутск, Новосибирск, Омск и Томск) и выделяемых бюджетных мест для студентов.

То есть ситуация с подготовкой молодых специалистов в Сибири вроде бы благоприятствует насыщению местного рынка труда, и даже есть возможность компенсировать часть потребности в квалифицированной рабочей силе на Дальнем Востоке, что отвечает цели ускоренного развития Азиатской России. Вопрос лишь в том, останутся ли выпускники на востоке страны или покинут родные края в поисках лучших условий жизни и работы.

¹ Росстат назвал самые популярные среди абитуриентов специальности. – URL: https://объясняем.пф/articles/news/rosstat-nazval-samyepopulyarnyesredi-abiturientov-spetsialnosti/?utm_source=Gismeteo&utm_medium=CPC&utm_campaign=ga_site-orf_news&utm_content=All (дата обращения 11.05.2024).

Есть точка зрения, согласно которой именно выбор места жительства определяет жизненную перспективу, «...а работа, образование и любовь следуют из него» [Флорида, 2014. С. 14].

Рассмотрим, в каких регионах концентрировалось население в период с 2010 г. по 2020 г., где молодежь выбирала места для жизни и работы, и почему.

Молодёжь решает, где жить

В исследовании факторов, определяющих и дифференцирующих человеческий потенциал регионов Сибири и Дальнего Востока, Е.В. Рюминой среди наиболее значимых названы уровень душевых денежных доходов и продолжительность здоровой жизни [Рюмина, 2021]. Мы попытались выяснить, действительно ли для субъектов РФ, в которых численность населения за последнее десятилетие росла или оставалась стабильной, характерны более высокие социально-экономические показатели. О вкладе молодежи в их рост косвенно могут свидетельствовать доля молодых людей в структуре населения и уровень экономической активности.

Информационную базу составили данные Росстата и всероссийских переписей населения 2010 г. и 2020 г. Для части показателей использовалась информация за 2022 г., размещенная в витрине статистических данных Росстата. Массив представлен 82 наблюдениями без выделения автономных округов в составе субъектов РФ. В качестве ключевого показателя для группировки регионов на кластеры использовалось изменение численности населения между двумя переписями населения.

Для сравнения групп регионов применялись методы математической статистики пакета SPSS, а именно: непараметрические тесты Манна-Уитни для двух независимых выборок, тест Крускала-Уоллеса для сравнения k групп¹.

Исходя из динамики численности населения за последнее десятилетие, регионы были разделены на три группы. В первую из них с быстрым сокращением населения (на 8% и более) вошли 27 регионов, в которых суммарно проживают 17,5% россиян.

¹ Результаты непараметрических тестов интерпретировались как закономерность проявления признака внутри групп, когда значимость тестовой статистики не превышала 0,05.

Вторую группу с умеренным сокращением (от 1% до 7,9%) составили 28 регионов (32% жителей). Третья объединила регионы, отличающиеся ростом или стабильной численностью населения (сокращение менее 1%): в нее вошли 27 регионов с 50,5% жителей (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения показателей в группах регионов РФ с разной динамикой численности населения в 2010–2020 гг., по состоянию на 2020 г.

Группа регионов	Реальные доходы на душу населения, тыс. руб. в месяц	Уровень рождаемости на 1 тыс. чел.	Доля (%) молодежи 15–29 лет среди		Численность студентов на 10 тыс. населения	Среднегодовые инвестиции в основной капитал на 1 занятого в 2014–2020, тыс. руб.	Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет
			населения	безработных			
1. Быстрое сокращение	29,42	8,73	15,6	29,4	408,51	196,4	67,1
2. Умеренное сокращение	29,24	9,26	16	32,6	475,52	175,6	68,2
3. Рост или стабильность	43,13	10,56	16,2	35,1	478,83	262	70,7

Источник: Построено авторами на основе данных государственной статистики [Регионы..., 2023].

Было получено статистически значимое различие между кластерами в показателях роста городского и сельского населения (на уровне значимости 0,00). В первой группе регионов депопуляция происходила и в городе, и в селе, но в последнем население сокращалось быстрее. Во второй группе численность горожан оставалась стабильной, при этом сельчан стало на 6% меньше. В третьей наблюдался прирост жителей и в городской, и в сельской местности.

По данным табл. 1 видно, что в третьей группе регионов, где шло активное пополнение населения (за счет миграции и естественного прироста), с одной стороны, более высокими оказались

показатели экономического развития (реальные душевые доходы и инвестиции), а с другой – выше концентрация человеческого потенциала (по показателям образования и продолжительности жизни населения). Здесь также выше доля молодежи в структуре населения. В эту группу ожидаемо попали наиболее экономически развитые субъекты РФ: Москва и Санкт-Петербург с областями, Краснодарский край, Республика Татарстан, Калининградская, Новосибирская, Тюменская области и др. Нахождение здесь относительно менее развитых национальных республик (Чечня, Ингушетия, республики Алтай, Тыва и Бурятия, где объемы производства на одного занятого меньше среднероссийского уровня) объясняется сохранением численности населения за счет повышенной рождаемости.

Кроме того, нами была установлена связь между ростом численности населения региона и его затратами на научные исследования и разработки (значимость различий – на уровне 0,01). Это значит, что научно-технический потенциал региона оказывает влияние на его миграционную привлекательность, что подтверждается данными и других исследований [Артемова и др., 2020.]. Он также напрямую связан с перспективами экономического развития.

Низкие экономические показатели, относительно менее благоприятные условия жизни провоцируют избыточную миграцию из регионов первой группы, для которых характерны более низкие значения реальных душевых доходов и инвестиций, а ожидаемая продолжительность жизни на 3,6 года меньше, чем в регионах третьей группы. Уезжает в первую очередь молодежь, доля которой в структуре населения регионов меньше, чем в других кластерах, даже несмотря на относительно лучшую ситуацию с безработицей. К сожалению, большинство регионов Сибири и Дальнего Востока (15 из 21) находятся в первой или второй группах, теряющих население.

В целом не опровергнута гипотеза о более высоких социально-экономических показателях и продолжительности жизни в регионах РФ, для которых в последнее десятилетие был характерен рост или сохранение численности населения. Выявилось также, что имеет место некая специализация в воспроизводстве человеческого потенциала. Некоторые регионы в большей степени выполняют демографическую функцию, пополняя население за счет

более высокого уровня рождаемости, а также обеспечивая условия для получения общего и профессионального образования детей и молодежи. А другие – обеспечивают опережающий экономический рост, опираясь на капиталовложения и миграционный прирост населения, имея широкий выбор рабочих мест и более привлекательные условия для выстраивания жизненной стратегии молодежи.

Отметим, что регионы Сибирского и Дальневосточного федеральных округов суммарно занимают 2/3 территории России, но проживает в них всего около 17% населения страны. Только в 5 из 21 регионов за период с 2010 г. по 2020 г. сохранился естественный прирост населения (это четыре республики – Алтай, Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, а также Чукотский АО). Но в случае Чукотки этого оказалось недостаточно – миграционный отток приводит к сокращению популяции, даже несмотря на высокие экономические показатели. Только в Республике Саха (Якутия) объемы производства позволяют обеспечивать приемлемый уровень доходов жителей, а открытие новых производств еще и привлекает мигрантов [Григорьева, 2024. С. 55].

Для большинства же субъектов на Востоке страны характерно отрицательное сальдо миграции при более высоком уровне безработицы по сравнению с европейской частью, за исключением Северо-Кавказского федерального округа (табл. 2).

Особенностью Красноярского края, Новосибирской и Томской областей является сочетание эффективного экономического развития и обеспечения условий жизни и социальных гарантий, приемлемых для сохранения численности населения в регионе между переписями (однако в последние три года в Томской области зафиксирован миграционный отток). В их областных центрах сосредоточены крупнейшие в Сибири вузы и научные организации, сюда стекается молодежь из многих регионов, и часть ее после обучения остается. Когда имеется большой поток учащейся молодежи, важно наличие для них мест приложения труда. Например, высокая безработица среди молодежи Томской области могла провоцировать миграционный отток в последние три года, а низкий её уровень в Красноярском крае – приток населения (см. табл. 2). Но рынок труда, как отмечалось ранее, не единственная причина для миграции населения.

Таблица 2

**Миграционный прирост населения, уровень безработицы
молодёжи и охват профессиональным образованием
по федеральным округам и отдельным субъектам РФ, 2020–2022 гг.**

Федеральный округ и субъект РФ	Средний коэффициент миграционно- го прироста в 2020–2022 гг., на 10000 чел. населения	Уровень безработицы в возрасте 20–29 лет, 2022 г., %	Доля заня- тых, имею- щих высшее професси- ональное образование, 2022 г., %	Численность студентов, обучающихся по программам профессионального образования*, на 10 тыс. населения
1	2	3	4	5
Россия, в среднем	19	7,9	34,8	525
Центральный	49	6,3	41,5	539
Северо-Западный	37	6,8	35,3	538
Южный	41	8,9	32,9	487
Северо-Кавказский	-2	17,9	35,9	446
Приволжский	-2	6,1	31,4	547
Уральский	11	6,2	31,7	493
Сибирский	-14	8,2	28,8	563
в т.ч. Респ. Алтай	-21	12,9	31,0	438
Респ. Тыва	-30	19,0	38,7	477
Респ. Хакасия	-4	5,9	26,4	416
Алтайский край	-52	8,1	25,8	512
Красноярский край	19	4,6	29,2	490
Иркутская обл.	-27	8,0	28,0	565**
Кемеровская обл.	-18	6,6	26,6	467
Новосибирская обл.	32	8,9	31,8	607**
Омская обл.	-59	8,9	28,2	717**
Томская обл.	-22	14,8	32,8	834**
Дальневосточный	-31	8,5	31,0	501
в т.ч. Респ. Бурятия	-20	12,7	32,2	503
Респ. Саха (Якутия)	39	11,4	33,6	511
Забайкальский край	-78	13,5	24,6	496
Камчатский край	-53	4,7	37,2	401

1	2	3	4	5
Приморский край	-37	7,2	30,1	508
Хабаровский край	-14	4,0	34,2	595**
Амурская обл.	-45	6,5	28,6	498
Магаданская обл.	-60	5,5	35,8	477
Сахалинская обл.	-60	6,4	29,2	354
Еврейская АО	-95	7,3	30,1	329
Чукотский автономный округ	-49	8,6	28,2	193

Примечание: * По программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена, бакалавров, магистров и по программам специалитета; ** Регионы, где количество обучающихся выше среднероссийского уровня.

Источник: Рассчитано авторами по данным Росстата [Регионы..., 2023. С. 91–92, 166–167, 140–141; 318–319, 326–327, 344–347].

Как видим, даже относительно благополучные и высокопроизводительные регионы далеко не всегда могут удержать жителей на своей территории. И более высокий на среднероссийском фоне уровень охвата населения профессиональным обучением (в четырех сибирских и в одном дальневосточном субъекте Федерации) не дает им преимуществ: доля занятых с высшим образованием в них заметно ниже средних значений по стране из-за отъезда образованных людей. По мнению руководителей центров по содействию трудоустройству, почти треть окончивших университеты в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах сразу после получения дипломов уезжают из своих регионов (30,4% и 31,6% соответственно), причем 10–13% из них – за рубеж, т.е. их человеческий капитал, по сути, утрачен для региона, а иногда – и для страны [Воспроизводство..., 2023. С. 198]. Одна из главных причин такого поведения – специфика рынка труда: повышенный уровень безработицы молодежи, узкий спектр вакансий, отсутствие хорошо оплачиваемой работы или большие региональные и межстрановые различия в оплате труда специалистов (например, диспаритет в зарплатах врачей, учителей, представителей ИТ-сферы). То есть возникает состояние дисбаланса человеческого потенциала: он просто не может реализоваться в росте стоимости человеческого капитала на востоке страны, поэтому перемещается оттуда.

В литературе по региональному неравенству принято выделять две группы конкурентных преимуществ регионов: факторы «первой и второй природы». К первым относятся объективные характеристики: климат, месторасположение, удаленность от экономических и культурных центров, наличие природных ресурсов. Вторая группа объединяет факторы, создаваемые обществом: человеческий потенциал, агломерационный эффект, институты, инфраструктура и пр. [Зубаревич, 2017]. В большинстве регионов СФО и ДФО сочетаются более тяжелые климатические условия, глубоко периферийное положение, неблагоприятная специфика рынка труда и недостаточная развитость социальной и иной инфраструктуры, необходимой для комфортной жизни. То есть в совокупности они проигрывают по факторам и первой, и второй природы; их конкурентоспособность в масштабе страны оказывается сниженной. Для нивелирования негативного влияния данных факторов необходимо деятельное участие государства. Посредством социально-экономической политики оно может изменить ситуацию на уровне факторов второй природы – развивая инфраструктуру, социальные институты и человеческий потенциал в целом через рост реальных доходов и улучшение здравоохранения, создавая условия для развития бизнеса и появления новых рабочих мест.

Если не повышать реальные доходы и не компенсировать издержки, направленные на увеличение продолжительности здоровой жизни (в Дальневосточном она на два года меньше, чем в Южном округе), не создавать высокотехнологичные производства для квалифицированных специалистов, молодежь из восточных регионов сделает выбор работать и жить в европейской части страны, преимущественно в городских агломерациях.

Матримониальные и карьерные устремления молодежи

Молодежь (или её часть) в большей степени определяет тренды развития человеческого потенциала в том случае, если она обладает более высоким уровнем образования и квалификации по сравнению с другими группами населения и превосходит их по уровню доходов и благосостояния в целом. На примере Новосибирской области мы проверили, действительно ли молодежь, проживающая

в столице региона и его окрестностях, где наблюдался устойчивый прирост населения в период 2010–2020 гг., успешнее реализует свой человеческий потенциал по сравнению со своими сверстниками вне Новосибирской агломерации.

Информационной базой послужили материалы социологического обследования «Человеческий потенциал и социальное самочувствие населения», проведенного сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО РАН в 2019–2020 гг. в Новосибирской области (N=1264 человека). Массив включает ответы респондентов, представляющих как Новосибирскую городскую агломерацию, в состав которой входят прилегающие к столице региона территории, так и четырех отдаленных сельских районов области. Было опрошено экономически активное население в возрасте до 45 лет, внутри выборки выделялись две возрастные группы: молодежь до 35 лет и население от 35 лет и старше. Далее будем анализировать только первую из них.

Как показал анализ ответов, для сельской молодежи характерен более ранний возраст вступления в брак и рождения детей. В нашей выборке среди молодых жителей провинции более половины (56%) состояли в законном браке и две трети (67%) уже имели детей; среди горожан только 44% имели супруга/супругу и треть (35%) были родителями. Еще 9% в каждой из групп отнесли себя к состоящим в гражданском браке. Традиционная более высокая рождаемость в сельской местности имеет и материальную причину – здесь молодые семьи лучше обеспечены отдельным жильем, чем в городе. А настрой людей «к построению счастливой личной жизни, семьи, обеспечению личной безопасности себя и близких... препятствует формированию миграционных установок молодежи и делает фактический объем молодежной миграции ниже потенциального» [Одинцов и др., 2020. С. 352].

Заметно меньшая демографическая нагрузка (обременение детьми) позволяет городской молодежи 18–35 лет поддерживать свой материальный статус на относительно высоком уровне. Причем, как показало наше исследование, эти различия в ее пользу наблюдаются не только по сравнению с молодыми жителями сельской глубинки, но и с более старшей возрастной когортой горожан (35–44 года).

По сравнению с сельскими сверстниками, среди молодых жителей городской агломерации в 1,5 раза меньше доля тех, кому «трудно покупать даже одежду» (36% и 24% соответственно), и в 2,6 раза больше тех, кто может позволить себе приобрести дорогие вещи, автомобиль, квартиру (5% и 13% соответственно). Однако даже на этом фоне более трети молодых горожан (38%) не удовлетворены своим положением, что побуждает многих из них искать дополнительную занятость. Среди опрошенной городской молодежи дополнительную работу имеют 42%, из них половина – на постоянной основе, а еще 14% планируют ее найти. Успешному поиску дополнительной занятости способствует возможность использования цифровых технологий: почти каждый десятый опрошенный молодой горожанин мог подрабатывать дистанционно.

На селе у молодежи условия для подработки гораздо хуже: только 8% опрошенных подрабатывают на постоянной основе, у 8% подработки носят нерегулярный характер, еще 25% не имеют дополнительной работы, но хотели бы ее получить. Реализовать эти устремления на селе непросто, и не только из-за отсутствия рабочих мест. Как уже упоминалось, жителям села приходится выполнять больше неоплачиваемой работы.

Итак, молодежь, проживающая в Новосибирской агломерации, по индивидуальным оценкам, успешнее реализует свой человеческий потенциал по сравнению со сверстниками из провинции. Но можно сказать, что «цена» более обеспеченной по сравнению с «глубинкой» жизни работающей городской молодежи – это отсрочка рождения детей и более высокая занятость на оплачиваемой работе за счет подработок и совместительства. Подрабатывать стремятся не только молодые специалисты, но и студенты: среди всех студентов 2016–2020 гг. выпуска треть работали во время обучения, а среди выпускников вузов – около 40% [Индикаторы..., 2023. С. 77].

В сельской местности демографическая составляющая человеческого потенциала сокращается. Центростремительная миграция молодежи из российской провинции в региональные и федеральные центры, с одной стороны, и из Азиатской России в Европейскую – с другой, истощает потенциал устойчивости и развития региональных и муниципальных систем в Сибири и на Дальнем Востоке.

Данные Росстата показывают, что в большинстве субъектов РФ уже давно не наблюдается простого воспроизводства населения, для обеспечения которого коэффициент рождаемости должен составлять не менее 2,1 на 1 женщину в фертильном возрасте (табл. 3). До недавнего времени ситуацию спасало село, где сохранялись более традиционные установки. Еще в 2010 г. в сельской местности некоторых регионов Сибири и Дальнего Востока женщины имели в среднем по два ребенка и больше, и это поддерживало среднерегionalный показатель на приемлемом уровне. Однако к 2022 г. рождаемость снизилась и в сельской местности.

Таблица 3

Суммарный коэффициент рождаемости в городской и сельской местности некоторых регионов Сибири и Дальнего Востока, в 2010 г. и 2022 г., детей на 1 женщину

Федеральный округ и регион	2010			2022		
	в целом	город	село	в целом	город	село
РФ	1,57	1,44	1,98	1,42	1,36	1,59
СФО, в среднем	1,70	1,52	2,31	1,47	1,34	1,96
Республика Алтай	2,48	2,08	2,82	2,07	1,54	2,47
Республика Тыва	3,03	2,34	3,99	2,51	2,26	2,92
Новосибирская область	1,60	1,46	2,26	1,49	1,38	2,04
ДФО, в среднем	1,63	1,49	2,10	1,57	1,45	1,93
Республика Бурятия	1,99	1,70	2,49	1,68	1,47	2,04
Республика Саха (Якутия)	2,00	1,86	2,30	1,62	1,46	1,99

Источник: Составлено авторами по данным Росстата (Суммарный коэффициент рождаемости. Витрина статистических данных. – URL: <https://showdata.gks.ru/report/278974/> (дата обращения: 07.05.2024)).

Тем не менее сельское население восточных регионов пока еще выступает в качестве донора человеческих ресурсов. К сожалению, число женщин репродуктивного возраста, особенно молодых,

быстро сокращается, причем на селе это происходит ускоренными темпами из-за миграции молодежи – и коэффициенты рождаемости здесь снижаются быстрее [Соболева и др., 2023].

То есть в ближайшем будущем сельская местность не будет выступать значимым донором, сдерживающим депопуляцию, и нужно запланировать действенные стимулы для повышения рождаемости в молодых когортах населения. Возможно, предоставление жилья в пользование или субсидии на его приобретение молодым семьям с детьми в Сибири и на Дальнем Востоке способствовали бы закреплению молодых специалистов, востребованных на эффективных производствах как в сельской, так и в городской местности. На наш взгляд, лучшей альтернативой дополнения учебной работой для части выпускников вузов было бы создание семьи и раннее рождение первого ребёнка, особенно при материальной поддержке со стороны государства.

Выводы

Хотя в судьбе молодого поколения многое определяют состав, ценностные установки и материальные возможности родительской семьи, важнейшие решения для построения своего будущего все чаще принимает сама молодёжь. Она активно наращивает свой человеческий капитал за счет получения профессионального образования и трудового опыта, строит образовательные и карьерные стратегии, в том числе связанные с миграцией, готова обеспечивать свои материальные притязания за счет дополнительных доходных занятий или же переобучения новым профессиям и востребованным навыкам.

При активной включенности молодежи в миграционные процессы за период между двумя переписями населения число жителей сократилось в 55 регионах России, а оставшаяся треть российских регионов концентрируют половину населения всей страны. Наши исследования показали, что миграционная привлекательность того или иного субъекта Федерации во многом завязана на реализацию возможностей человеческого потенциала его жителей – речь идет о более высоких уровнях реальных доходов населения и инвестиций, способствующих в том числе росту показателей научно-технического развития региона, качества занятости, большей продолжительности жизни людей.

Регионы-реципиенты, привлекающие к себе талантливую и целеустремленную молодежь, тем самым усиливают свой человеческий потенциал, активно используя человеческий капитал, накопленный не ими. Регионы-доноры же, по сути, теряют доход от своих инвестиций в человеческий капитал, которые в иных обстоятельствах могли бы стать их конкурентным преимуществом.

Материалы переписи 2022 г. показали, что значительное число регионов с наибольшим оттоком населения расположены в азиатской части страны. Подобная ситуация не вписывается в декларации Президента РФ и Правительства о «повороте на Восток» и свидетельствует об отсутствии приемлемых для сохранения населения условий. Эти и так малозаселенные территории продолжают терять людей, и быстрее всех Азиатскую Россию покидает именно молодежь.

Сдержать ее отток и обеспечить сохранение человеческого потенциала на Востоке страны мог бы комплекс целенаправленных усилий федеральных и региональных органов власти по созданию современных рабочих мест и высокотехнологичных производств, развитию социальной инфраструктуры и улучшению условий жизни в целом. Также необходимо реализовывать для молодежи дополнительные мероприятия программы повышения рождаемости. Пока же существующим социальным институтам не удастся компенсировать влияние неблагоприятных факторов.

Библиографический список

Артемова О.В., Логачева Н.М., Савченко А.Н. Оценка технологических возможностей регионов для развития человеческого потенциала (на примере субъектов Уральского и Сибирского федеральных округов) // Социум и власть. – 2020. – № 4 (84). – С. 30–46. – DOI: 10.22394/1996–0522–2020–4–30–46.

Балакина Г.Ф. Риски развития человеческого потенциала этнических общностей Республики Тыва (1999–2021 гг.) // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 2. – С. 20–33.

Барков С.А., Зубков В.И. Высшее образование: непреодолимый институциональный разрыв с рынком труда // ЭКО. – 2022. – № 4. – С. 8–30. – DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2022–4–8–30.

Беккер Г.С. Человеческое поведение. Экономический подход. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ. / Сост., науч. ред. Р.И. Капелюшников. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.

Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: монография / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги, И.О. Тюрина; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2023. – 283 с.

Гвоздева Г.П., Арсентьева Н.М., Харченко И.И. Риски снижения человеческого потенциала сибирских регионов // ЭКО. – 2023. – № 5. – С. 129–150. – DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2023–5–129–150.

Григорьева Е. Перспективы алмазодобывающих регионов России в контексте возможных изменений алмазно-бриллиантового комплекса // ЭКО. – 2024. – № 4. – С. 47–73. – DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2024–4–47–73.

Заславская Т.И. Социальный механизм посткоммунистических преобразований / Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 93–109.

Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. – 2017. – № 2. – С. 46–57.

Индикаторы образования: 2023: статистический сборник / Н.В. Бондаренко и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 432 с.

Лексин В.И. Системные основания и последствия территориально опосредованной депопуляции // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 101–134. – DOI: 10.15372/REG20210205.

Логинов Д.М., Семионова Е.А. Миграционные ориентации старших школьников при переходе к получению профессионального образования // ЭКО. – 2023. – № 3. – С. 158–176. – DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2023–3–158–176.

Макар С.В., Ярашева А.В., Симагин Ю.А. Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы // Народонаселение. – 2021. – № 1. – С. 117–130.

Мальцева В.А., Сальникова И.Е., Шабалин А.И. Вместо университета – в колледж: что приводит успевающих одиннадцатиклассников в СПО? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 3. – С. 45–66. – DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2090.

Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 1. – С. 225–242. – DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.1.

Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова и др. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. – 132 с.

Одинцов А.В., Шипицын А.И., Марченко А.Ю. Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 335–354. – DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788.

Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2014. – 269 с. – (Интеграционные проекты СОРАН; Вып. 47).

Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России. – М.: Международные отношения, 2016. – 448 с.

Регионы России: социально-экономические показатели. 2023. – М.: Росстат, 2023. – 1126 с.

Рюмина Е.В. Анализ восточных регионов России по критериям качества человеческого потенциала // Экономика и бизнес. – 2021. – Т. 7 (77). – С. 129–135. – DOI: 10.24412/2411–0450–2021–7–129–135.

Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Особенности изменений численности и возрастной структуры репродуктивных континентов женщин в России в условиях депопуляции // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 1. – С. 138–169. – DOI: 10.15372/REG20230105.

Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Состояние и динамика качества человеческого капитала российских профессионалов в 2010–2020-х гг. / Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы: монография. – М.: ФНИСЦ РАН, 2023. – С. 116–148.

Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2014. – 368 с.

Human Development Report 2021/2022: Uncertain times, unsettled lives Shaping our future in a transforming world. – New York, 2022. – 320 p.

Human Development Report 2023/2024: Breaking the Gridlock: Reimagining cooperation in a polarized world. – New York, 2024. – 324 p.

Schultz T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. – 1961. – Vol. 51. – No. 1. – P. 1–17.

Sen A. Resources, Values and Development. – Harvard: Harvard University Press, 1997. – 560 p.

World Migration Report 2022. – Geneva, 2022. – 574 p.